

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена
Петербургский институт иудаики

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В XX ВЕКЕ

Материалы международной научной конференции

Санкт-Петербург
2006

Сергей Ларин (Воронеж)

О ГЕНЕЗИСЕ ОБРАЗА ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ РОМАНА И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ» (ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В августе 1857 г. после того, как завершилась работа над основным корпусом текста¹ будущего романа «Обломов», Гончаров в письме к одному из своих самых близких друзей И. И. Лъховскому признавался, что первоначальная концепция образа главной героини в процессе оформления замысла претерпела существенные изменения: «... в программе у меня женщина намечена была страстная, а карандаш сделал первую черту совсем другую и пошел дорисовывать остальное уже согласно этой черте, и вышла иная фигура. <...> любовь героя, Ольга Сергеевна Ильинская... я не знаю сам, что это такое. Выходил из нее сначала будто образ простоты и естественности, а потом, кажется, он нарушился и разложился»². И этот автокомментарий не вполне согласуется и даже, скорее, противоречит «официальным», публичным оценкам образа главной героини, которые давал писатель, когда, например, соглашался с восторженными почитателями его таланта, увидевшими в ней идеал женщины, или когда сравнивал с Ильинской Е. П. Майкову³.

В рукописи первой части «Обломова» фигурировала *Вера Павловна*, с именем которой исследователи творчества Гончарова связывают его желание изобразить возлюбленную Обломова женщиной страстной⁴. Позже ее место в повествовании занимает *Ольга Ильинская*, которая несмотря на переживаемую ей «поэму любви» с Обломовым, как будто «приберегает» свою страстность для Штольца.

Представляется обоснованным связать эволюцию образа главной героини романа «Обломов» с трансформацией ее имени, хотя бы уже потому, что первоначальное имя героини *Вера Павловна* в художественном мире Гончарова не является «нейтральным». *Вера* — главная героиня последнего романа писателя «Обрыв». Имя *Павел* — столь значимое для Гоголя⁵ — у Гончарова в качестве «самостоятельного» почти не встречается, однако для обозначения отчества довольно активно используется уже в первом романе писателя «Обыкновенная история» (1847 г.). Кроме того, оно избирается

¹ См. письма Гончарова к Ю. Д. Ефремовой от 29 июля/9 августа и к И. И. Лъховскому от 2/14 августа 1857 г.

² Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. — М., 1980. — Т. 8. — 243–244.

³ См. письмо к И. И. Лъховскому от 1 (13) августа 1858 г.

⁴ См.: Бершова Е. В. Работа И. А. Гончарова над образом Ольги в романе «Обломов» // Учен. зап. Калнинград. пед. ин-та. — 1958. — Вып. 4. — С. 135; Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. — СПб., 2004. — Т. 6. — С. 49.

⁵ Влияние творчества Гоголя на поэтику романа «Обломов» — особенно черновую рукопись первой части — отмечалась многими исследователями. См., например: Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. — СПб., 1997. — С. 227–234.

романистом для Бориса Райского — другого центрального героя «Обрыва». А учитывая, что появление замысла этого романа Гончаров относил ко времени начала работы над «Обломовым», можно говорить об осознанной установке писателя в выборе имени для своих героев.

Первоначально, как известно, писатель предполагал назвать главную героиню своего последнего романа «Обрыв» Еленой. Называя ее *Верой*, Гончаров как будто возвращается к своей попытке изобразить героиню, которая бы соответствовала данному имени.

В статье «Лучше поздно, чем никогда» (1879 г.), посвященной «критическому анализу» собственного творчества, Гончаров говорит о существовании и постоянном воспроизводстве в литературе двух главных женских образов, двух господствующих характеров, на которые «в основных чертах, с разными оттенками, более или менее делятся почти все женщины»: «характер положительный — пушкинская *Ольга* и идеальный — его же *Татьяна*»¹. Кроме того, писатель укажет примеры воплощения этих «характеров» и в собственном творчестве — романе «Обрыв». Роднит героинь Гончарова с их литературными предшественницами не только отмеченные писателем традиционность, неоригинальность одной и «своеобразие», «самобытность», «таинственность» другой. *Вера*, подобно Татьяне Лариной, остается верна «старой правде»² и, несмотря на свое «падение», возвращается к бабушке.

Страстность *Веры Павловны* рукописной редакции «Обломова», вероятно, наследство ее тезки *Веры* из «Героя нашего времени». Героиня Лермонтова вполне могла привлечь внимание Гончарова своей подчеркнутой женственностью и экзальтированностью³. Тем более, что с момента опубликования лермонтовского романа до начала работы Гончарова над «Обломовым» прошел относительно небольшой промежуток времени⁴.

Принадлежа, по сути (по терминологии Гончарова) к типу пушкинской Татьяны, *Вера* у Лермонтова сделала как бы очередной шаг, продиктованный ее страстной натурой, на пути возможного развития характера, ею олицетворяемого: оставшись с мужем, она тем не менее открывает ему свои отношения с Печориным⁵. Показательно, что героиня «Обрыва» тоже включена в эту логику. Оказавшись, подобно предшественнице, жертвой своей страстной натуры, гончаровской *Вере* суждено еще пережить и тяжесть осуждения за ее «падение». Это неминуемо поставило героиню в центр по-

¹ Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. — М., 1980. — Т. 8. — С. 112. Здесь и далее в цитатах из текстов Гончарова курсив автора.

² Там же. С. 131.

³ Выявление всех возможных интертекстуальных «предшественниц» гончаровской героини должно стать предметом специального рассмотрения. Мы намеренно ограничиваемся указанием наиболее очевидных параллелей, исходя, в первую очередь, из высказываний самого писателя: «... черты пушкинской, лермонтовской и гоголевской творческой силы доселе входят в нашу плоть и кровь, как плоть и кровь предков переходят к потомкам» (Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. — М., 1980. — Т. 8. — С. 112).

⁴ Первое издание «Героя нашего времени» вышло в свет в мае 1840 г., второе — печаталось в 1841 г. Работу над «Обломовым» романист начал в 1847 г.

⁵ О Лермонтове — преемнике Пушкина — Гончаров неоднократно высказывался в своих статьях и письмах.

вестования. Очевидно, что подобный сюжет никак не вписывался в роман «Обломов», действие в котором было сосредоточено вокруг одного героя. В этом, вероятно, заключена одна из возможных причин отказа Гончарова от использования данного имени в этом романе.

Павел у Гончарова фигура комичная, слабая, зависимая от противоположного пола не всегда безопасно для своей чести. Так, в «Нимфодоре Ивановне» (1836г.) герой, носящий данное имя, появляется в таком ироничном контексте: «Если жизнь Павла Лукьяныча будет также неистошима, как уважение к нему предводимого им дворянства, тогда сестрица моя, предводительша, лопнет с досады. Какая ей польза в этом уважении! Конечно, приятно получать мимоходом поклоны от мелкой сошки, но у Павла Лукьяныча, уважаемого целым уездом, лысина и клочки седой щетины на голове, а помещик Леоновский, отставной гусарский штабс-ротмистр, хотя никем не уважается, имеет голову с черными густыми кудрями и соколиные очи, которые смотрят на Катерину Игнатьевну, как будто хотят сжечь ее, и еще усы... ах, усы! о них Катерина Игнатьевна не может вспомнить без биения сердца»¹.

В «Обыкновенной истории» три героини имеют отчество *Павловна*: мать Александра Адуева Анна Павловна, ее сестра Мария, его вторая возлюбленная Юлия Тафаева. Все они женщины чувствительные, экзальтированные, а кроме того, их отличает почти жертвенное служение избранному объекту. (Для Анны Павловны Адуевой — это ее сын, для Юлии Тафаевой — страсть к Александру.) Эти же качества «перейдут» и к Борису Райскому и будут мотивированы его особой артистической, художнической натурой, его повышенной восприимчивостью к происходящему во внешнем и внутреннем мире.

Еще одной определяющей данных героинь чертой является их готовность довольно легко отдаваться во власть своего чувства и избранника. Показательна в этом смысле характеристика, которую дает заглавный герой раннего очерка «Иван Савич Поджабрин» (1842г.) своей приятельнице Анне Павловне, сравнивая ее с более молодой и привлекательной баронессой: «Не то что Анна Павловна: та сейчас стала кокетничать и заговорила... Говорить ли ей, что мы кутим? Боже сохрани! Ведь это не Анна Павловна [1: 141, 142]»². Даже целомудренная Мария Горбатова, сестра матери Александра, которая, по ее собственным словам в письме к Петру Ивановичу, «обрекла себя на незамужнюю жизнь... удалилась от света и льет слезы», свою просьбу прислать «хорошеньких книжек» заключает довольно двусмысленным признанием: «Говорят, очень хороши сочинения господина Загоскина и господина Марлинского... я еще видела в газетах заглавие — «О предрассудках» — пришлите, — я терпеть не могу предрассудков» [1: 198].

Изменчивость, «подвижность», сообщаемая героям Гончарова этим именем, связана, вероятно, с его легендарным первообладателем апостолом

¹ Гончаров И. А. Нимфодора Ивановна: Повесть. Избранные письма. — Псков, 1992. — С. 26. См. также VI главу II части «Обыкновенной истории».

² Здесь и далее произведения Гончарова цит. с указанием тома и страницы по: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. — СПб., 1997 (не закончено); варианты и рукописные редакции романа «Обломов» — по 5 тому этого издания.

Павлом, в смене имени которым, подчеркивающим превращение-преобразование, уже заключена идея нестабильности, движения, изменения — источник всякой экзальтированности, страстности. В этом плане любопытно упоминание во «Фрегате «Паллада» среди картин «какой-то старой живописи» в монастыре на Маниле именно картины, изображающей «Обращение Св. Павла» [2: 558].

Аналогичный принцип именования, характерный для всех романов Гончарова, — объединение персонажей на основе «общего» имени — мы наблюдаем и в отношении героинь, патроним которых является производным от имени *Александра* Адуева: Наденька Любецкая, жена Петра Ивановича Лизавета *Александровна*, его невеста.

Впервые *Александром* Гончаров назовет мужа главной героини повести «Нимфодора Ивановна» — Серебров. Причем в его образе явно просматриваются черты, сближающие его с Адуевым-младшим. От следователя, доказавшего причастность Сереброва к убийству и мошенничеству, он получает такую характеристику: «Вы никогда не чувствовали к жене своей истинной любви: ваш ветреный и слабый характер или — лучше сказать — ваша бесхарактерность были несовместимы с чувством постоянной привязанности»¹. Ср. в «Обыкновенной истории»: «Лизавета Александровна утешала его [Александра. — С. Л.] со всею нежностью друга и сестры. Он поддавался охотно этой милой опеке. Все такие натуры, какова была его, любят отдавать свою волю в распоряжение другого. Для них нянька — необходимость» [1: 311].

Очевидно, что при создании первого романа Гончаров не забыл свой опыт обращения к данному имени. Причем, если в «Нимфодоре Ивановне» Гончаров как будто оставляет без внимания (по крайней мере явно) семантику этого имени, то в «Обыкновенной истории» открыто ее обыгрывает. *Александр*, оберегая «провинциальные порядки» и нравы, не может защитить себя от прагматических утверждений, доводов идущего в ногу с веком дяди и в конечном счете вообще переходит на его «сторону».

Сделав имя Адуева патронимом своих героинь, Гончаров наделил их чертами, ключевыми для образа Адуева-младшего². Всех их объединяет общий трагический финал, к которому они в конце своего сюжетного существования приходят, их поражение перед жизнью-судьбой. Лизавета *Александровна*, жена Петра Ивановича и тетка Александра, буквально умирает от поразившей ее «неведомой» болезни. Одержав победу в любовном поединке над Александром, Наденька Любецкая сама оказывается жертвой, не способной противиться охватившей ее страсти к графу Новинскому. Но, пожалуй, наиболее любопытная ситуация связана с появлением в тексте романа невесты преображенного, вставшего на путь Петра Ивановича — путь «карьеры и фортуны» — Александра. Любопытно, что она не имеет даже собственного имени и фигурирует в тексте только как дочь *Александра* Степаныча. Однако при этом подчеркивается, что

¹ Гончаров И. А. Нимфодора Ивановна: Повесть. Избранные письма. — Псков, 1992. — С. 58.

² Ср.: Уба Е. В. Поэтика имени в романах И. А. Гончарова: Дисс... канд. филол. наук. — Ульяновск, 2005. — С. 89–90.

Адуев женится на ней по расчету, а не по «взаимному влечению», а потому можно предположить — ее ждет та же участь, что и жену Адуева-старшего.

Таким образом, уже в первом романе Гончарова проявляется одна из доминантных черт его художественного мира: стремление устанавливать связи между героями путем наделения их одними и теми же именами.

Несмотря на то, что Гончаров отказался от имени *Вера* для главной героини «Обломова» и заменил его на *Ольгу*, отчество *Павловна* еще некоторое время продолжало фигурировать в тексте. Позже писатель переименует героиню в *Ольгу Сергеевну*, решив, как можно предполагать, окончательно вопрос с местом, занимаемым ею в повествовании¹, и избрав для нее имена, никак открыто не связанные с его предшествующими литературными опытами. Однако в качестве своеобразного наследства, доставшегося этой «новой» героине от ее предшественницы, можно рассматривать ряд сцен, в которых она будет совершать поступки, не соответствующие ее «амплуа». Так, в сцене, завершающей в окончательном печатном варианте романа вторую часть, героиня на «страстный» вопрос Обломова — готова ли она на любой путь — ответит утвердительно.

С появлением в рукописи *Ольги Павловны* возникает мотив, который в дальнейшем повествовании будет связан с образом *Ольги Ильинской* и ее ролью в судьбе Обломова. После проведенного у *Ольги Павловны* вечера, где Илья Ильич «освежился чистыми и благородными впечатлениями любви и дружбы в другой сфере, с другими людьми; ему стало гадко своей жизни, он болезненно сознал, что он пал и что не воротиться ему к порядочной жизни» [5: 166]. Мы видим, что здесь у писателя возникает мысль связать будущее возможное «выздоровление» Обломова с влиянием «женской сферы». Схожим образом в «Обыкновенной истории» надежду на свое возрождение после трагического завершения отношений с Любецкой Александр обретает в любви к Юлии Павловне Тафаевой. А Борис Райский новый источник своего вдохновения получает при знакомстве с Верой.

Необходимо отметить, что имя *Павел* появляется еще у одного героя рукописной редакции «Обломова». Это друг главного героя Андрей Павлович Почаев, место которого в окончательной редакции романа займет Штольц. Таким образом, уже на начальном этапе работы над «Обломовым» у Гончарова проявляется уже известный нам принцип группировки персонажей. «Общий» патроним² служит, вероятно, указанием на их схожую роль в отношениях с главным героем романа. Почаев не отличался той рассудочностью и уравновешенностью как его «последователь» Штольц. На «промахи» Обломова он реагирует «непривычно» эмоционально: «возразил с испугом» [5: 186], «подавил какое-то рычание, стиснул зубы» [5: 189].

«Родственные» отношения между героями на основе «общих» имен останутся и в окончательном тексте романа. Земляк Обломова *Михей Андреев*

¹ Табориская Е. М. Идеино-художественная структура образа Ольги Ильинской в романе Гончарова «Обломов» // Сборник материалов по итогам научно-исследовательской работы за 1968 год. — Борисоглебск, 1969. С. 87–90.

² В качестве другого возможного отчества для главной героини Гончаров несколько раз использовал «второе имя» Штольца — «Иванович». См.: [5: 268].

Тарантьев будет «объединен» с *Андреем* Ивановичем Штольцем. Любопытно, что и в первоначальном рукописном тексте эти герои тоже были связаны: *Михей* Андреич — *Карл Михайлович* [5: 56–57, 60, 70, 72]. Включение третьего «члена» в этот ряд персонажей позволяет дать одно из возможных объяснений данной «странности». В I главе 2 части романа повествователь, отмечая влияние на Андрюшу Штольца приезжавших «года в три раз» хозяев верхлѣвского дома, расскажет историю его знакомства с молодыми князьями Пьером и Мишелем:

«... Мишель, только лишь познакомился с Андрюшей, как поставил его в позицию и начал выделывать удивительные штуки кулаками, попадая ими Андрюше то в нос, то в брюхо, потом сказал, что это английская драка.

Дня через три Андрей, на основании только деревенской свежести и с помощью мускулистых рук, разбил ему нос и по английскому, и по русскому способу, без всякой науки, и приобрел авторитет у обоих князей» [4: 157].

Очевидно, что *Мишель* ассоциативно связан с Тарантьевым посредством мотива противоборства — соперничества со Штольцем. Таким образом, «общее» в паре Штолец — Тарантьев имя призвано подчеркнуть их противостояние, борьбу. Причем не только за деньги Обломова, но и за влияние на него. И имя Штольца, становясь отчеством Тарантьева, сигнализирует о поражении последнего.

Можно со всей определенностью говорить о том, что имя *Ольга* в художественном мире Гончарова уникально. Оно появляется в «Обломове» неожиданно и как будто бы абсолютно немотивированно: ни до ни после этого романа ни одна из героинь писатель — даже эпизодических — не будет носить данного имени. Однако очевидно, что это имя не могло не иметь определенных прототипов, как мы это уже видели на примере именовании других героев Гончарова. И в качестве таковых оправданным представляется рассматривать по крайней мере два персонажа, тем более что отчасти направление поисков было подсказано самим писателем. В своих более поздних текстах Гончаров вспоминает легендарных «соименниц» своей героини. В воспоминаниях «В университете» (1887 г.) писатель, давая довольно подробный очерк деятельности профессора Каченовского упомянет, в частности, о его особом отношении к истории: «Он терпеть не мог никаких мифов в истории и начинал лекции русской истории с Владимира, предупредив нас, что он не станет повторять басен, которые мы слышали в школе, например об оригинальном мщении Ольги за Игоря...»¹. Особая страстность, с которой Ильинская посвятила свою жизнь достижению поставленной цели, чрезмерная рациональность и расчетливость, как будто бы несвойственная женщинам², и тот «огненный ореол», который связан в романе с этим образом — все это сближает главную героиню «Обломова» с русской княгиней *Ольгой*.

¹ Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. — М., 1980. — Т. 8. — С. 240.

² Данные черты неоднократно акцентируются Карамзиным в «Истории государства Российского» в образе княгини Ольги.

В упомянутой уже статье «Лучше поздно, чем никогда» Гончаров проведет параллель между героинями Пушкина и своими Наденькой Любецкой из «Обыкновенной истории» и Ольгой из «Обломова». Скрытое сопоставление *Наденьки-Ольги* (по Гончарову, это одно лицо) позволяет исследователям сравнивать героиню «Обломова» с пушкинской Татьяной. Однако при этом остается без внимания одна черта, объединяющая героинь Гончарова с Ольгой Лариной, которая, по знаменательному высказыванию писателя: «Вмиг забыла своего поэта и вышла замуж за улана»¹. И Наденька, и Ольга расстаются со своим первым возлюбленным в пользу второго более «блестящего». Особое значение имеет и то, что и Обломов, и Александр Адуев оба названы «поэтами». Причем, если Александр-поэт сюжетно компрометируется, то поэтизация жизни Обломовым, напротив, писателем идеализирована.

Сергеев в творчестве писателя довольно много, но все они персонажи преимущественно эпизодические, в большинстве случаев обличенные властью, и если не прямо отрицательные, то с довольно двусмысленной репутацией. Особенно это характерно для героев, у которых *Сергей* находится в «сильной» позиции, является первым именем. Так, в «Письмах столичного друга к провинциальному жениху» (1848 г.) камердинер главного героя Сергей своей «ядовито-почтительной улыбкой» [1: 491] заставляет своего хозяина «краснеть». В «Обрыве» дядя Райского граф Сергей Иванович вообще оказывается главной причиной не сложившейся личной жизни «бабушки» Татьяны Марковны Бережковой [7: 753–754]. Таким образом, выбрав для своей героини отчество *Сергеевна*, Гончаров тем самым как бы подготавливал почву для разрушения идиллии, которая просматривалась в зарождающихся отношениях героев.

Мы видим, что изменение первоначального имени главной героини «Обломова» было продиктовано писателю логикой развития ее образа. И одним из источников, позволяющим проследить его эволюцию, выступают различные варианты романа.

¹ Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. — М., 1980. — Т. 8. — С. 113.